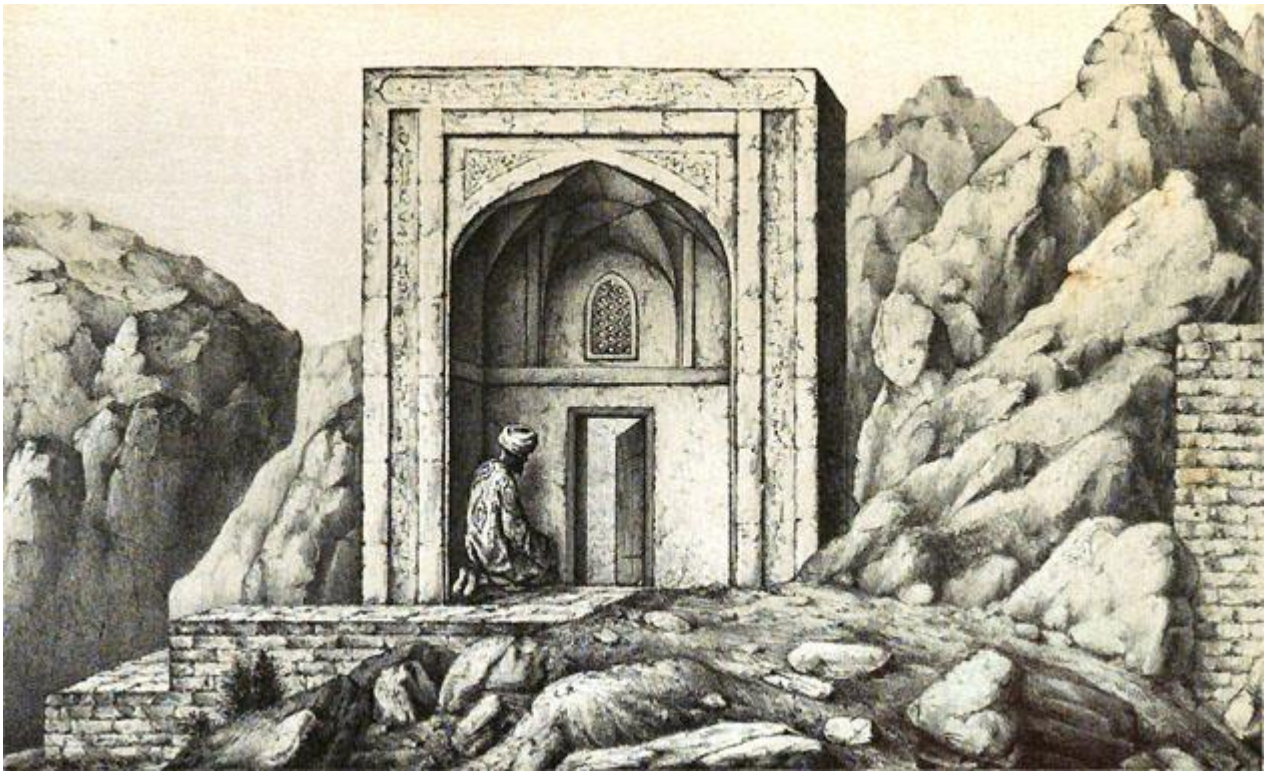
По Фергане. 6. Тахт-и-Сулейман — Соломонов трон

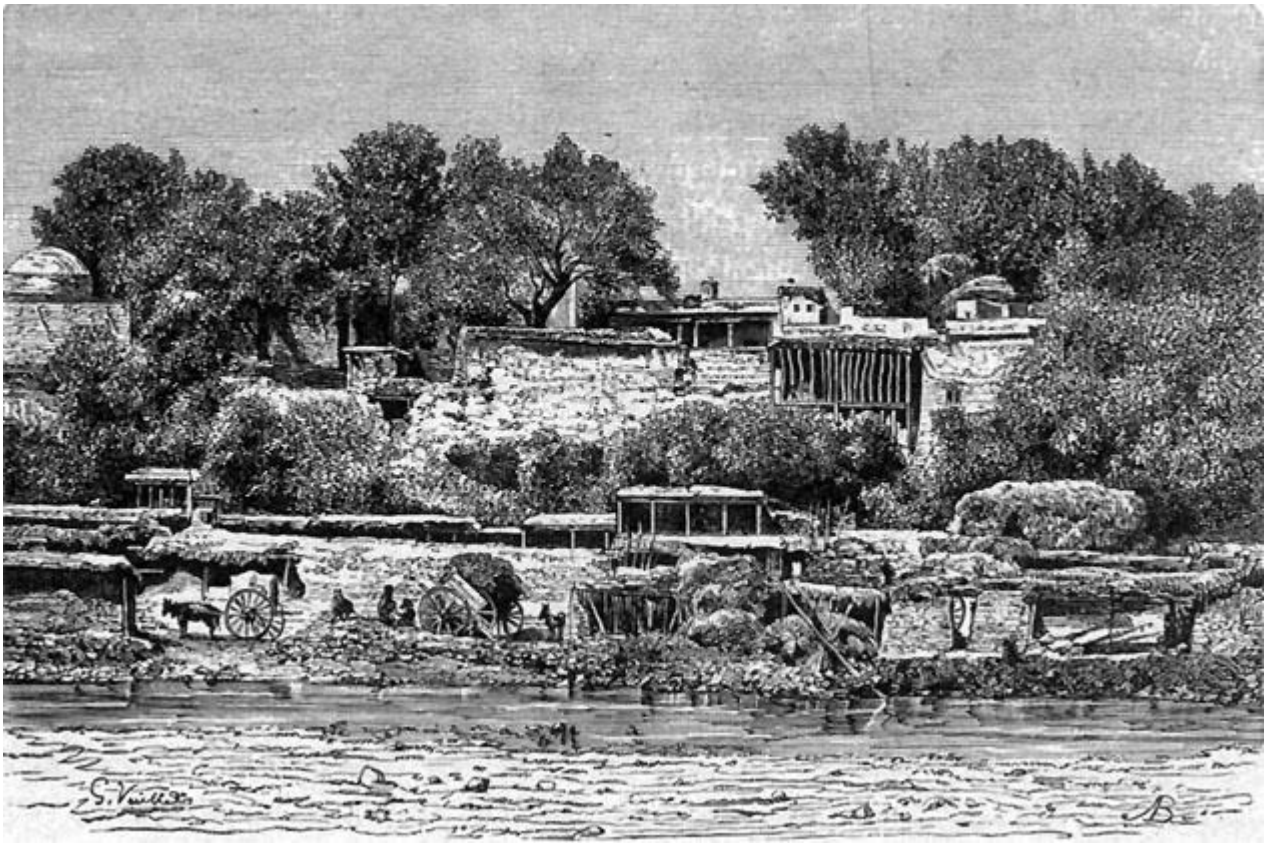
Е. Л. Марков. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. — СПб., 1901.

Город Ош. Однокамерная мечеть Тахт-и-Сулейман на вершине священной горы. 1877

Ош мы осматривали во всех его уголках в компании с своими новыми приятелями. Побывали и в мечетях, и на базарах, и караван-сараях, ничем не отличающихся от всего того, что уже мы столько раз осматривали в разных городах Средней Азии. Пришлось тут и

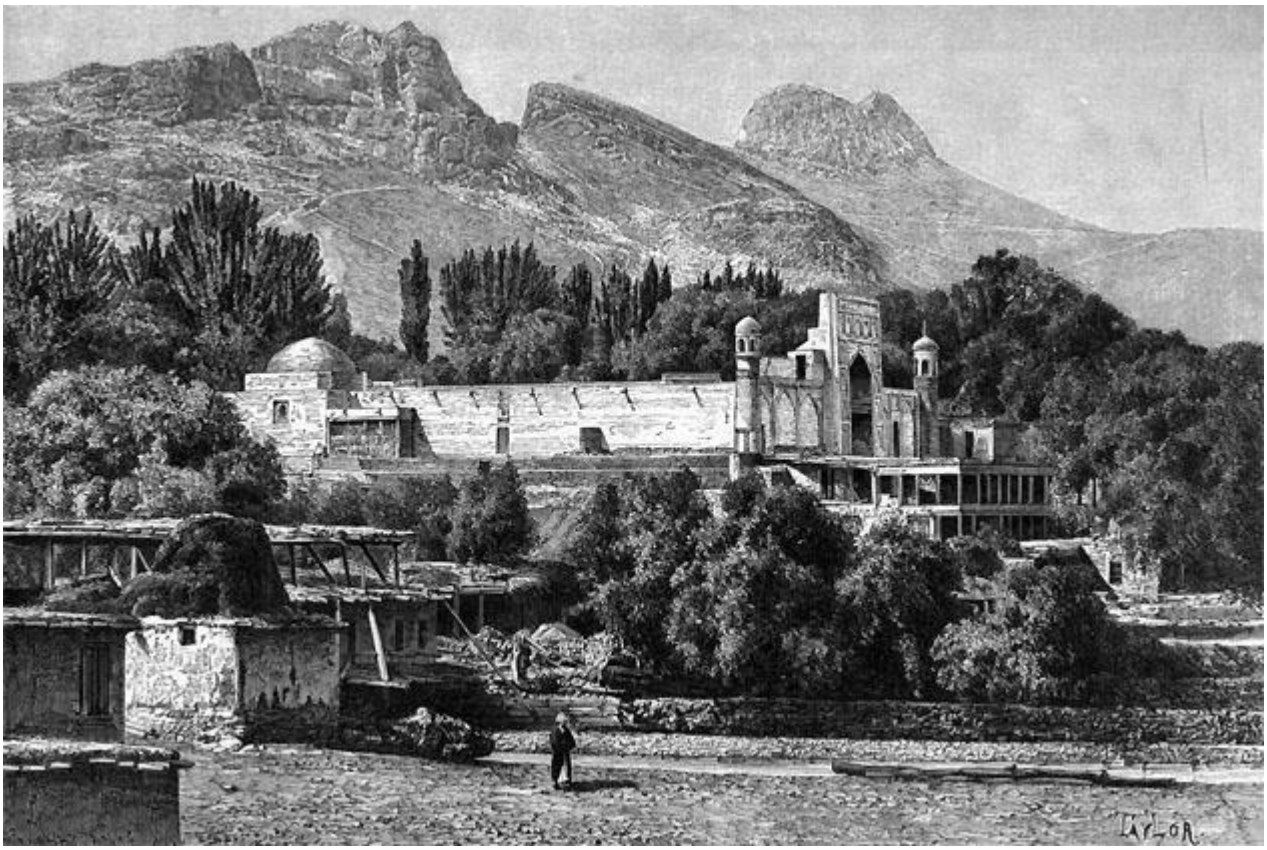
покупать кое-что, потому что здесь довольно много китайских товаров по случаю близости кашгарской границы; есть и индейские, и афганские, но всё, по правде сказать, грубого сорта и сравнительно дорого, как всё в Азии. Выгоднее всего можно приобресть здесь белые меха кашгарских коз и китайскую фарфоровую посуду, довольно, впрочем, грубого разбора.

Базар города Оша. 1877

В медресе, при базарной мечети, мы зашли в комнату мудериса, старшего наставника школы; этот белый как лунь старец смотрит таким почтенным и добродетельным, что его прямо можно принять за Авраама, и моему чувству художника было немножко досадно узнать от провожавшего нас Г<лушановско>го, что этот ветхозаветный патриарх изрядный фарисей и сутяжник. В комнате у него образцовая чистота и порядок: книжки опрятно сложены в

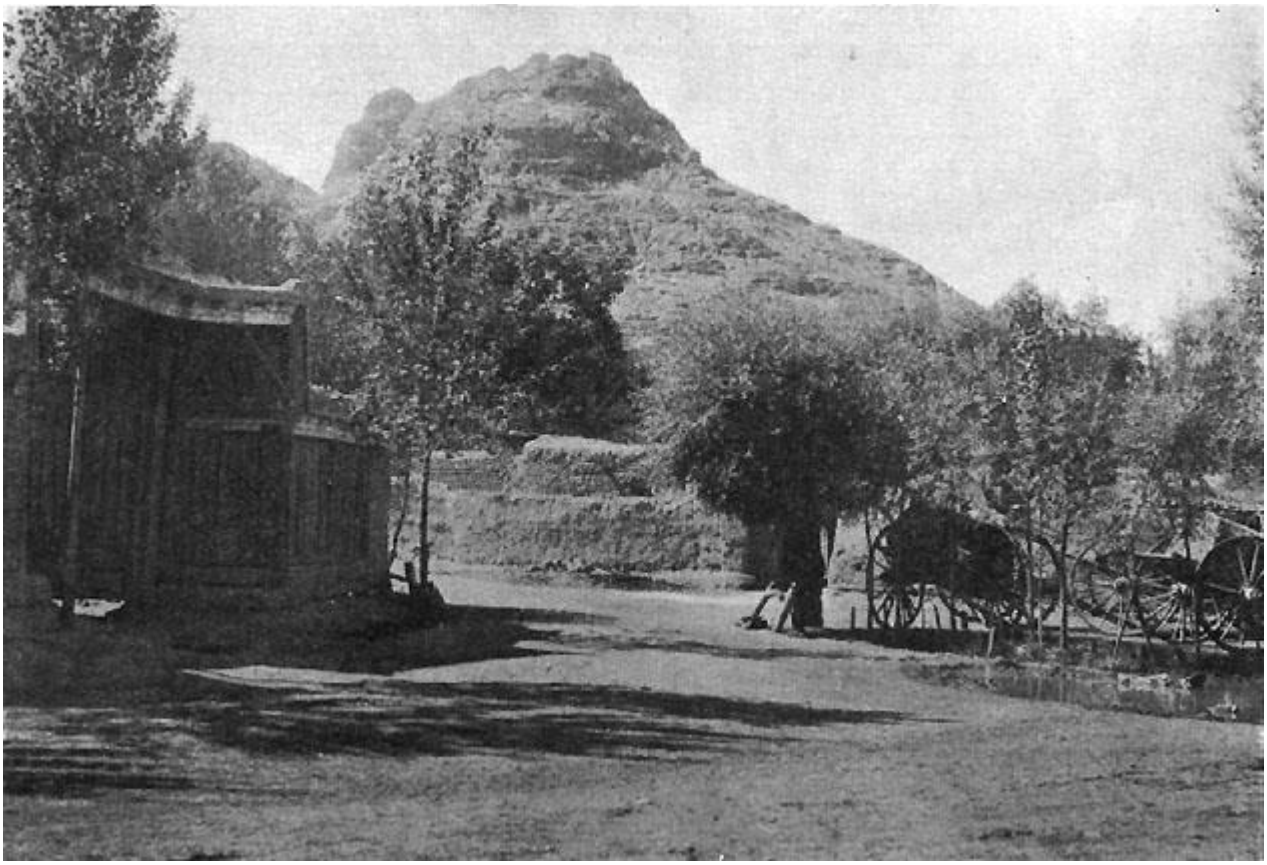
альковчиках стен, заменяющих наши шкапы, на полочках расставлена блестящая посуда, везде ковры и войлочки; даже в маленькой кухоньке у открытого камина все педантически прибрано. Мудерис представил нам двух своих сыновей, молодых софт, живущих в этом же медресе, и предложил пройти на террасу, с которой открывался вид на базар и на весь старый город, так как терраса эта была не чем другим, как плоскою кровлею медресе.

Город Ош. Мечеть у подножия горы Тахт-и-Сулейман, возведенная сыном Абдуррахмана Автобачи. 1877

Полюбовавшись на хорошо нам знакомую и всегда интересную сутолку восточного базара, мы отправились, в сопровождении неизбежных джигитов и их ногаек, через залитые пестрою толпою переулки, к горе Соломона.

Сарты зовут ее Сулейман-тахт, т. е. «жилище Соломона», а некоторые изменяют это имя в Сулейман-тахта, что значит «сидение или трон Соломона». Гора эта составляет характерную особенность города Оша. Она поднимается над ним и среди него обрывистым островом в виде сросшихся друг с другом трех утесов. У подошвы этих утесов старый сад из вековых тополей чудовищной толщины и высоты, должно быть, еще сверстников Тимура. В густой тени их и под сенью Сулеймановой скалы — полутемная часовня, посредине ее стоит массивная каменная гробница, укрытая красными покрывалами. Под темным куполом часовни, вместо лепных карнизов, обвивают ее круглые стены двойным поясом громадных черных и красных букв куфические арабские надписи из Алкорана. Дверочки затейливой резьбы из почерневшего дерева ведут в эту усыпальницу, полную сурового величия. Ряд маститых шейхов, в высоких белых тюрбанах на головах, выстроились перед часовнею, когда мы выходили оттуда, и в почтительных позах, с сложенными на животе руками, ожидали нашего приближения. Все эти духовные отцы живут и кормятся святыней Сулеймана и вышли приветствовать нас, конечно, потому что с нами был местный уездный правитель с толпою своих джигитов, всегда выдающих его присутствие.

Гора Соломонов трон в городе Оше Ферганской области

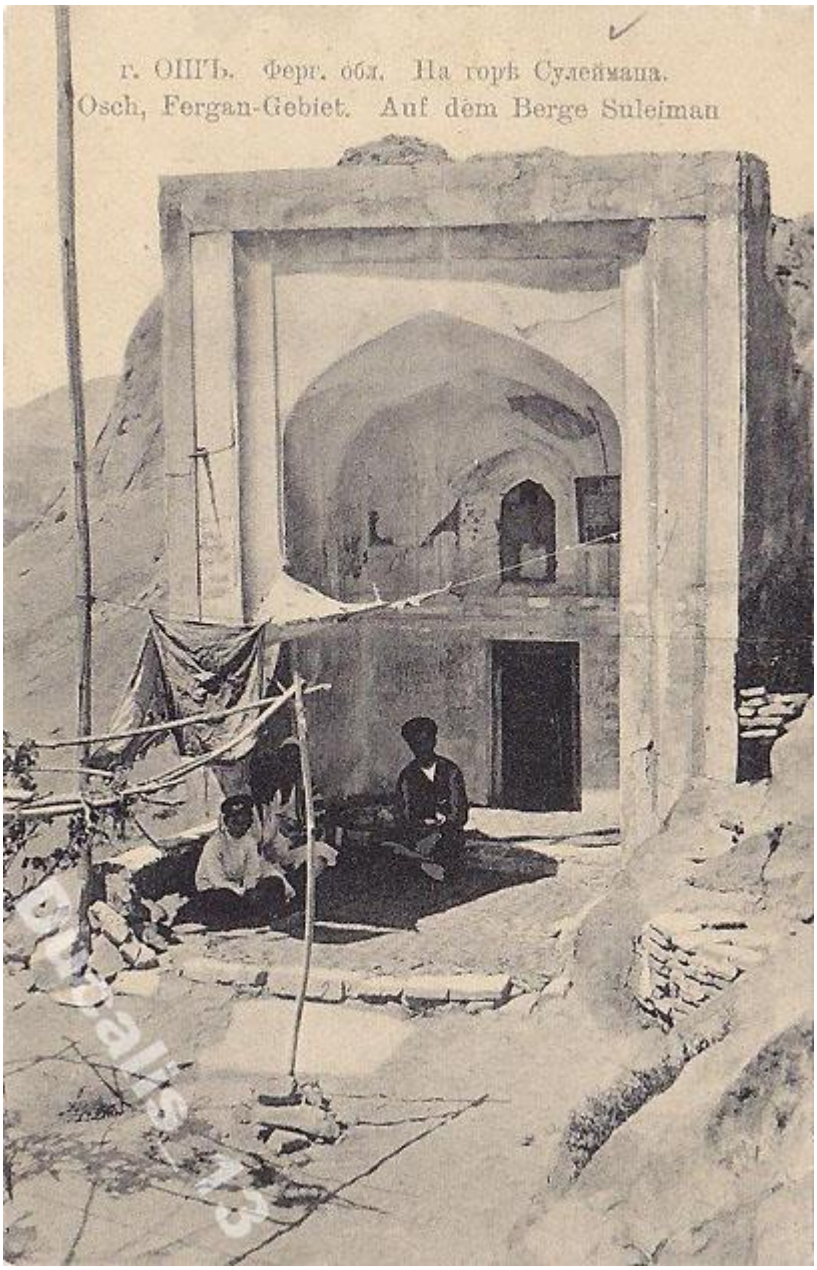
Оттого-то нас водил в часовню сам мутавели, распорядитель вакуфов, — своего рода большая особа в духовном мире мусульман; он прочитывал нам арабские надписи на стенах и давал почтительные объяснения на все мои вопросы. Однако, несмотря на его услужливость, нам сообщили по секрету, что священный муж сей порядочный плут, и что в его руках остается немалая толика от доходов с вакуфов.

Мавзолей Асаф ибн Бурхия у подножия Тахт-и-Сулейман. 1899

От самого входа в сад до дверей часовни стоят, как и у нас в православных монастырях, вереницы нищих; проходящие мимо правоверные непременно опускают им в руки какую-нибудь маленькую монетку. Все эти нищие при приближении нашем быстро проводили руками по лицу и бороде и протягивали к нам руки. Мы, конечно, последовали примеру мусульман, не желая производить неблагоприятного впечатления на входившую вместе с нами толпу богомольцев. Из часовни мутавели повел нас к мечети, стоящей в глуби ее. Это обычная галерея на резных колонках с ярко расписанным потолком и стенами, только просторнее других, ввиду множества богомольцев, собирающихся сюда в некоторые дни. Поблагодарив мутавели и вручив ему некоторую сумму «на бедных», во главе которых он обыкновенно считает самого себя, мы отправились вверх на гору. Но священный муж не захотел нас

покинуть и там. Порядочная толпа народа увязалась за нами. Кто нес ковры, кто кувшины, кто поднос, кто шел без всякого дела из одного любопытства. На половине подъема опять часовенька с маленькою киблою — стало быть, мечеть. Нам живо разостлали коврики, и мы уселись передохнуть на несколько минут. Подъем был довольно крутой, а впереди и совсем трудный. Приходилось карабкаться по большим камням, прямо над обрывом, так что в некоторых местах для непривычного человека могло быть и жутко.

Наверху скалы тоже стоит мазар с маленьким каменным купольчиком; внутри его татарские и арабские надписи. В полу вделан какой-то черный камень, пользующийся особым уважением правоверных. Около мазара водружена, в виде флагштока крепости, треногая вышка, оставшаяся от производившихся здесь измерительных работ и довольно кстати венчающая собою вершину утеса. В тени галерейки мазара нам опять разостлали коврики, и, откуда ни возьмись, явился и неизбежный дастархан на подносе, и

холодная вода в глиняном кувшинчике, и кок-чай в медных кумганах. Все это несли сюда вместе с нами по распоряжению услужливого мутавели. Кок-чай имеет особенное свойство утолять жажду и подкреплять утомленные силы. Его пьют без сахара, и как это ни казалось мне безвкусно в теории, однако, уставши от зноя и от крутого подъема, я его пил с большим удовольствием.

Отдохнув, мы взобрались на самую макушку скалы, к которой прислонен мазар. Вид оттуда один из самых красивых, какие мне приходилось видеть.

Снеговой хребет Алая с Алтын-Куюк и Улькан-Тау и такой же снеговой Ферганский хребет с Арслан-Боп на первом плане охватывают сплошным кольцом весь горизонт. Отрогами своими они спаиваются друг с другом на восток от Оша, замыкая выход из Ферганской долины, и все вместе образуют такой титанический

амфитеатр снеговых гор, которого нельзя увидеть ни в Швейцарии, ни на Кавказе. День был ясный, небо знойно-синее, и белые пирамиды, гребни и стены гор вырезались на этом идеально чистом фоне как истинные троны богов, выкованные из сверкающего серебра. Это кольцо белоснежных хребтов окружает громадным обхватом прелестную и густо населенную зеленую котловину, полную цветущих садов, возделанных полей и многочисленных жилищ человека. Старый Ош лежит в самой середине этого чудного оазиса, утонув в своих роскошных садах и незаметно переходя со всех сторон в такие же обильные садами кишлаки. Широкий пояс поливных огородных земель, прорезанных бесчисленными канавками арыков и обработанных старательно, как цветной горшок, примыкает к кишлакам, а за ним стелятся, уже поднимаясь к пятам гор, так называемые *богара,* поля яровых посевов, не знающие поливки и всецело зависящие от весенних дождей. Собственно говоря, поливная земля называется здесь «оби», а неполивная «ляльми», но так как на неполивной сеют только богару, то есть яровые хлеба, то и сами эти поля чаще известны под именем «богара». Озимые же хлеба называются «терамой», напр., озимая пшеница — «терамой бугдай», озимая рожь — «терамой джаудар»; рожь здесь, впрочем, сеется редко и называется также «черною пшеницею» («чаудары бугдай»); овса (по-местному «сула») почти вовсе не сеется, и он встречается здесь только в диком виде. Его вполне заменяет, как корм лошади, здешняя «арпа», или наш ячмень, а как пищу человека — разные виды проса — таррык (обыкновенное просо) и кунак (птичье просо, или бор). Из кунака чаще всего делается буза, единственный хмельной напиток туземцев, а также кужа, обычная путевая пища киргиза и сарта, напоминающая нашу кашу, имя которой, может быть, и состоит в каком-нибудь историческом родстве с этою кужою из разваренных в воде просяных зерен.

Земля здесь настолько плодородна, что урожай пшеницы сам-20 считается очень обыкновенным. На тапан, т. е. 600 кв. сажен, или ¼ десятины, — высевается обыкновенно 2 пуда пшеницы и собирается до 5-ти батманов (в батмане 8-мь пудов), следовательно, 40 пудов. С десятины, значит, вышло бы 160 пудов. Притом пшеница требует здесь для своей зрелости не 11—12 месяцев, как у нас, а менее 9-ти, сеют ее в половине сентября, а к концу мая, и уже не позднее начала июня — она готова, так что после нее еще успевают посеять и снять в то же лето какое-нибудь быстрорастущее растение. Но наши хлеба вообще здесь сеются далеко не в таком количестве, как гораздо более выгодный рис («шали» по-здешнему), хлопок или дыни.

Замечательно, что сарты зовут дыни — «кавун», то есть тем самым именем, которым наши хохлы зовут арбуз; арбуз же здесь называется «гарбуз». А хохлы, напротив того, под словом «гарбуз» разумеют тыкву. Так как трудно сомневаться, что арбузы, дыни, тыквы перешли к нам в Россию из Средней Азии вместе с татарами, то нужно предполагать, что наши южане, слышавшие от татар эти названия, просто-напросто перепутали их.

———

Свирепая горная река Ак-Бура, сбегающая с утесистых ущелий Улькан-Тау, прорезает на наших глазах, как на развернутой громадной ландкарте, прямою стрелою всю котловину Оша, сначала Новый город, потом Старый город, потом его подгородние кишлаки, и теряется затем, вся расхватанная и растерзанная на сотни арыков, не доходя много верст до широкого русла Карадарьи, куда ей суждено было впадать. Эта река-невеличка — коварна и опасна до́ нельзя. Глубина ее меняется так быстро и часто от таянья горных снегов, от внезапно выпавшего дождя в горах, что то и дело она уносит в своих волнах человеческие жертвы. Год тому назад сын мой, будучи здесь

на работах, также едва не погиб в Ак-Буре. Он возвращался верхом с несколькими джигитами из Гульчи, где производились работы, в Ош. Река, которую он переехал по мосту, отправляясь несколько дней назад в Гульчу, поднялась теперь от горных дождей, снесла мосты и клокотала, как водопад. При первой попытке переправиться вплавь, лошадь моего сына была сбита с ног и залилась, а самого его течение понесло вниз с такою стремительностью, что джигиты, бросившиеся с берега один за другим наперерез ему, не могли сначала ни на минуту задержать его, а, схватившись с ним за руки, вместе с ним уносились волною, пока наконец их не оказалось целых четверо и они успели кое-как выбиться к берегу при случайно встретившемся крутом колене реки.

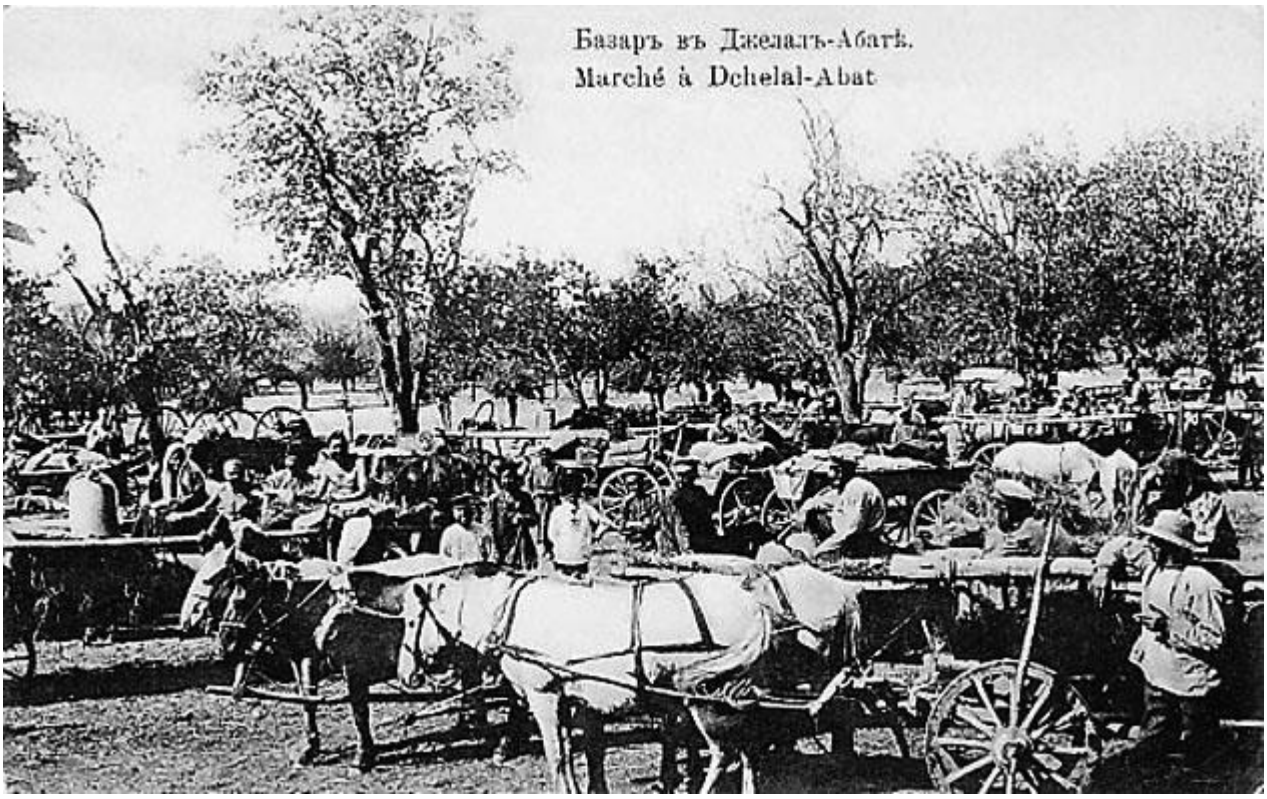
Скотский базар в городе Ош. 1899

Впрочем, не одна Ак-Бура видна нам отсюда словно начерченная на карте. Вся плетеница тесных переулочков, вся толкотня базаров Старого Оша, все муравейные кучки его домиков, потонувших в садах, раскрываются с вершины нашего утеса как с птичьего полета. Виден нам с такою же ясностью, хоть сейчас на план наноси, и новый русский город с его геометрически разлинеенными и геометрически правильно пересекающимися широкими улицами, стройные шеренги его высоких тополей и сквозящие через их зелень веселые белые домики. Дом уездного начальника выделяется уютною дачею в чаще густых садов на том берегу реки, как раз напротив Нового города.

Ош. Район главного базара. Вид на Тахт-и-Сулейман. 1898

Но меня занимает теперь не столько Ош, сколько его окрестности. В одну сторону от него по дороге в Джеллабад мне показывают довольно близкий отсюда и довольно высокий холм, увенчанный обычною мусульманскою муллушкой или мазаром; эта древняя мечеть-гробница носит загадочное имя Йонус-мазар — гробница Ионы. Несколько дальше, в самом Джеллабаде, дорога в который, прорезающая целый ряд кишлаков, вся отлично видна нам, — другой, еще более чтимый и тоже очень древний, мазар Хазрет-Эюб — т. е. «святой Иов».

Около Хазрет-Эюба знаменитые в Фергане целебные источники, к которым притекает ежегодно для исцеления множество богомольцев, там целый мусульманский монастырь, известный далеко в Средней Азии, а недавно устроены купальни и помещение для наших больных солдат, которых присылают туда лечиться теплыми минеральными водами.

Джалал-Абад. Курорт. Базарная улица

Древнее туземное предание говорит, что в этих целебных источниках библейский Иов обрел исцеление от мучительных язв, которыми покрыто было его тело, когда он беспомощно страдал на своем гноище. А на холме Йонус, по такому же народному преданию древности, был выброшен из чрева китова пророк Иона, когда еще море подходило чуть не под самую пяту здешних гор. Немного правее Йонус-мазара, в горах около Гульчи, опять загадочный памятник древности, и тоже соединенный с библейскими воспоминаниями. Там стоит столб вроде долмена из плотной глины, прикрытый черным камнем в форме котла. Глина везде кругом обмылась дождями и выветрилась, и только этот тонкий столб ее, защищенный и уплотненный сверху каменною плитою, уцелел в течение столетий.

Туземцы называют этот столб «женою Лота». А вот тут, у наших ног, жилище и трон самого библейского царя Соломона, мифического основателя города Оша.

Что все это значит? какой общий смысл может заключаться во всех этих отрывочных, но однородных сказаниях народной фантазии, так странно приуроченных к одной и той же местности?

Некоторые предполагают, что тут в древности могли жить евреи, поселенные здесь еще до Кира Персидского, который, как известно, возвратил евреев в их отечество, и которому, по всей вероятности, принадлежали земли теперешней Ферганской области, под именем какой-нибудь Согдианы, Базарии или Ксениппы. Вспоминания о Ное, Лоте, Соломоне, Иове и Ионе могли в таком случае быть просто остатками еврейских религиозных верований, случайно уцелевшими среди позднейших наследников их старых владений.

Но, кажется, нет необходимости прибегать к таким чересчур уже далеким гипотезам.

Библейские предания и библейские названия местностей Ферганской области гораздо проще можно объяснить себе, если вспомнить, что пресловутое «царство попа Ивана», о котором в средние века было распространено столько баснословных сказаний и которое было небезведомо и нашей Древней Руси, по всем признакам, находилось в местностях теперешней Средней Азии и было, по всем вероятиям, обширною христианскою общиною несторианского толка, обнимавшего собою многие области, а патриарх этих христиан, судивший и рядивший их, по-видимому, и слыл у азиатов под именем «попа Ивана».

По крайней мере, и исторически, и археологически доказано несомненно долговременное пребывание в первые века после

Рождества Христова в местностях Самарканда, Мерва и многих других — христиан-несторианцев, имевших своих епископов и митрополитов, — епархии, церкви и монастыри. Я уже имел случай при описании Мерва упомянуть, что одному митрополиту древнего Меру было подчинено, по персидским источникам, 6-ть епископий, и что теперешние развалины Гяур-Кала вблизи Байрам-Али, вероятно, остатки древнего христианского города. В окрестностях Самарканда, как мне придется рассказать впоследствии при описании этого города, тоже уцелели явные памятники древнего христианского культа, и так же, как в Оше, запечатленные не столько евангельскими, сколько библейскими воспоминаниями.

А итальянский путешественник XIII века, монах Плано Карпини, в числе стран Средней Азии, которые он проехал, отправляясь с берегов Волги в Китайскую Монголию, к великому хану, следовательно, по необходимости и Фергану, в числе стран теперешнего Туркестана или соседнего с ним Китайского Туркестана, — называет землю *гуиров* (terram Huyorum), очень напоминающую своим именем *«землю гяуров»,* и при этом прямо объясняет, что они «*были христиане несторианского толку,* коих (татары) также победили». Другой европейский путешественник того же времени по странам Средней Азии, Марко Поло, рассказывает даже о христианских монастырях и церквах, которые он видел. Такое несомненное свидетельство очевидцев о пребывании в Средней Азии христианского народа до самого 13-го века устраняет, нам кажется, всякие иные объяснения ферганских памятников с библейскими именами, кроме приведенных нами выше. Это обстоятельство делает, с другой стороны, понятным, почему в ордах Батыя, набранных из кочевников Средней Азии, более половины было христиан, как мы уже имели случай указать при описании Мерва.

«В Батыевом войске считается 600.000 человек, а именно 160.000 татар и 460.000 христиан и других, т. е. неверных», — рассказывает в своей книге Плано Карпини, лично посетивший ставки Батыева войска.

Есть указания на то, что жена и мать Чингисхана были христианки, и что даже среди ханов Хаварезма (Хивы) один хан, если не ошибаюсь, Куюк-хан, был христианин и был за то погублен более сильною партиею мусульман. Вообще, судя по персидским источникам, в первое время появления мусульманства в Средней Азии оно нашло здесь чрезвычайно сильно укоренившееся христианство; борьба с ним мусульманства велась отчаянная, на жизнь и смерть, и в течение долгого времени составляла главную цель вождей ислама. Следы этой борьбы гораздо более отразились в трудах персидских и арабских историков, чем в летописях истории европейской, до которой доходили только известия из ближайших и более для нее интересных христианских стран Азии — Палестины, Сирии и Леванта.

Размышляя о всех этих событиях далекой древности, нельзя прежде всего не поразиться изумлением перед непостижимою силою апостольской проповеди. Сила эта поистине чудодейственная, необъяснимая с человеческой точки зрения. Ничтожная горсть бедных рыбаков с берегов какого-то глухого Генисаретского озера, неграмотных, нигде не бывавших, с одним посохом в руке, вдруг расходится, по слову своего Учителя, во все страны Мира, заходит между прочим и в эти недоступные предгория Тянь-Шаня, далеко за безлюдные пустыни Бактрии и Согдианы, и там в сердцах свирепых хищников и разбойников, опустошавших потом с кровожадностью диких зверей цивилизованные страны, — насаждают кроткое Христово учение любви и братства.

К сожалению, нам известны только случайные и ничтожные обрывки из глубоко поучительной истории этого великого апостольского подвига. То, что мы знаем о нем — это только одна капля из целого моря неведомых нам геройских трудов и побед человеческого духа, перед которыми кажутся детскою игрушкою все походы македонского завоевателя в эти последние грани тогда известной земли, к этим самым диким народам насилия и крови.

И никакой Эрнест Ренан не разъяснил нам до сих пор силою своей науки чудесную тайну этих сверхчеловеческих побед.

———

Вся гора Тахта-Сулейман, по убеждению ферганских мусульман, исполнена целебной силы. Мутавели с серьезною важностью убежденного человека свел нас с вершины утеса сначала к плоскому камню на обрыве скалы. Здесь он благоговейно указал нам две круглые впадины в камне.

— Кто голова болит, сейчас голова здоров! — с нескрываемым торжеством поспешил нам перевести его сартскую речь провожавший нас полицейский чин, тоже, конечно, туземец.

Один из наших спутников, с обстоятельностью английского туриста, которые, как известно, не осматривают замечательные местности, а производят над ними строгое судебное следствие своего рода, — тотчас же протянулся во весь свой рост на плоском камне, угодив затылком как раз в одну из его ямок, невыносимо накаленных солнцем.

— Ну что? прошла голова? — смеясь, спросил я его.

— Какое прошла! — тяжело отдуваясь и недовольно морща брови, проговорил поднявшийся на ноги спутник наш. — Она у меня и не

болела совсем, а как лег на этот проклятый утюг, так сейчас и заломило! провались они с своим камнем!..

При спуске, на половине горы, мутавели опять остановил нас и опять таким же почтительным жестом указал нам на другой черный камень, но уже не с ямками, а с резкою седлиною посередине. Камень оказался тоже целебным.

— Спина болел, спина лечить можно! — объяснил нам услужливый сарт, дополняя своею русскою речью непонятные нам разглагольствования мутавели...

Наш охавший спутник со вкусами англичанина и тут не удержался и еще раз протянулся, ради пробы, на это прокрустово ложе, перегнувшись чуть не пополам в пояснице.

— Ух, больно как! черт знает, что за глупая выдумка!.. тут и последний свой хребет переломишь! — крикнул он, поспешно вскакивая.

Но не успели мы сойти вниз еще несколько шагов, как мутавели обратил наши взоры к глубоким впадинам в скале, в которых верующие выламывают свои болящие руки.

Наш чудак-товарищ, только что ругавший самым искренним образом глупые выдумки сартов, поддался, однако, и этой их глупой выдумке и пресерьезно засунул обе свои руки в дыры целебного камня, откуда вытащить их было ему не совсем легко. Я от души смеялся, слушая потом его воркотню на эти самые «нелепые» дыры и камни, которых он никак не решался пропустить без исследования собственными боками.

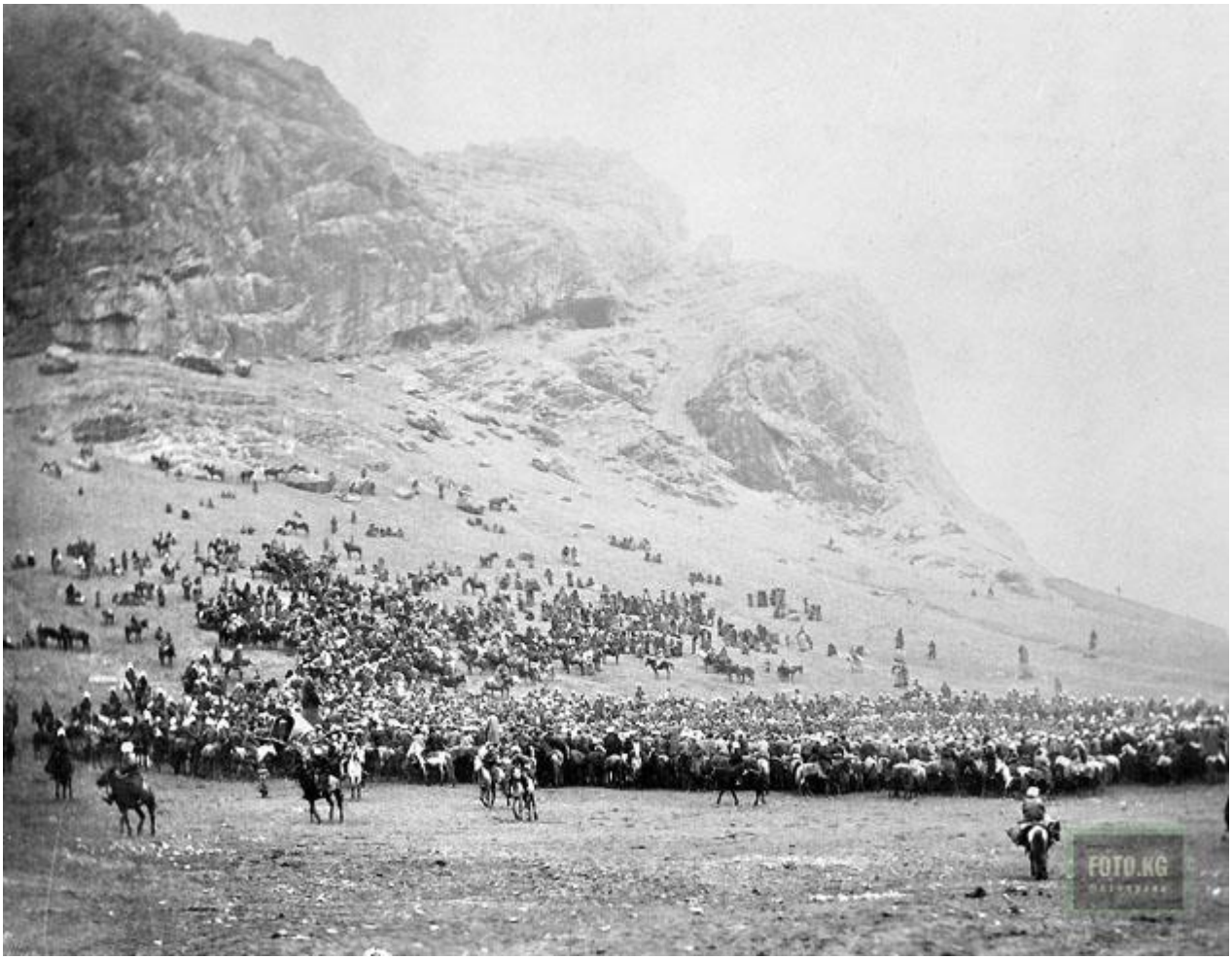
Вокруг священной скалы, проникнутой такой целебной силой, недаром ютятся многочисленные могилы правоверных, их

часовеньки и мечети. В некоторые дни сюда собирается на молитву до 10.000 народа. Множество правоверных и в обыкновенное время проводят здесь целые дни, бродя по саду, лежа на камнях, облитых солнцем, молясь и совершая намаз.

Мы слезли наконец с горячих голых камней Тахты-Сулейман, что гигантскими ступенями поднимаются вверх, словно настоящее подножие царского трона, и вступили опять в прохладный сени густого старого сада.

Те же безмолвно выразительные, сановитые фигуры седобородых шейхов в белых и зеленых чалмах провожали нас, почтительно прикладывая к сердцу морщинистые руки, те же ряды изуродованных и язвами покрытых нищих преследовали нас своими жалобными причитаньями...

А джигиты уже сидели верхами на своих лихих коньках и разгоняли взмахами ногаек чересчур любопытную толпу, теснившуюся у ворот...

Конные состязания у подножия Тахт-и-Сулейман. 1898